По следам донбасских "шахтеров и трактористов": российский журналист узнал, кто на самом деле

Горловский Медиа Портал
20.02.15 10:14

20-летний Миша родился в Екатеринбурге, 21-летний Леша - в Моздоке, Артему 22 года, он из Славянска-на-Кубани, а Диме - 23, он из Владикавказа. А еще ребята из Читы, Норильска, Улан-Удэ.

Всех их на первый взгляд ничто не объединяет. Но общее все же есть - город N, войсковая часть *****, N-ская отдельная мотострелковая бригада.

До недавнего времени все они проходили там контрактную службу. Еще в декабре и январе вешали в профайлах социальных сетей совместные фотографии из части, минувшим летом - с учений рядом с БТР. А еще - в красивой форме перед зеркалом.

Но две-три недели назад все изменилось, и вот уже двое сослуживцев без знаков отличия обнимаются на одной из площадей Горловки, другой в той же социальной сети размещает фотографию, где трое молодых ребят сидят на броне где-то на дороге на Дебальцево. Третий - кадр с застрявшим в окопе дээнэровским танком - главной достопримечательностью на въезде в разрушенный Углегорск.

На войну они попали уже после 20 января, когда в Донбассе возобновились активные боевые действия. Тут они вроде как в бессрочной командировке. Командиры были не против, наоборот, порыв они приветствовали, рассказав, почему именно сейчас и именно в эти места надо поехать родину защищать.

Уходили они в Донбасс не подразделением, а группами по три человека - экипаж боевой машины. Теперь, оказавшись без связи, они у меня интересуются судьбой своих друзей, спрашивают, живы ли они. На месте их также распределили в разные уже сформированные подразделения армии ДНР.

Логика военных действий в последние месяцы достаточно проста: на выполнение боевых заданий со стороны то ли самопровозглашенных республик, то ли «отдельных районов Донецкой и Луганской области» (как написано в Минском соглашении) выезжают те, кто действительно умеет воевать. Они решают поставленную задачу и отходят, а в занятый ими населенный пункт, в комендатуры и на блокпосты встречать журналистов заступают уже местные ополченцы, с готовностью рассказывающие о своем шахтерском прошлом. В какой-то момент можно и правда решить, что на войну с «хунтой» поднялись исключительно местные, но потом кто-то проговаривается:

- За тем терриконом буряты стоят.
- А что за буряты?
- Ну... Донбасские индейцы.

Все улыбаются, все всё понимают. В последние дни перед окончательным штурмом Дебальцево, чтобы лишний раз не светить «бурятов», журналистам постарались максимально закрыть въезд в Углегорск, откуда развивалось наступление внутрь котла. Спустя пару дней после штурма, когда Дебальцево окончательно «зачистят», на

блокпосты выставят шахтеров, а журналистам снова будет открыта дорога.

Про стратегическое значение Дебальцево в последние дни было сказано много - это и прямая дорога, связывающая Донецк с Луганском, и крупнейший железнодорожный узел, и важная с артиллерийской точки зрения высота. Про то, сколько сот человек с обеих сторон погибло за время растянувшегося почти на месяц штурма, мы узнаем не скоро.

После взятия Дебальцево линия фронта в очередной раз «выровнялась». Не исключено, что достигнутое в Минске соглашение о перемирии теперь будет местами выполняться, огонь прекратится совсем или хотя бы чуть стихнет на месяц или два, пока кому-то не придет в голову, что самопровозглашенные республики не могут дальше жить без Мариуполя, Артемовска или Лисичанска. Тогда в воинских частях по всей большой стране вновь активизируются «политруки» с рассказами о том, как важно помочь свободолюбивому Донбассу от агрессии Запада. Никакой принудиловки — только добровольцы.

И Миша, и Леша, и Артем, и Дима перед отъездом подписали рапорты об увольнении. Если кому-то из этих ребят при штурме Дебальцево очень сильно не повезло, то не повезло добровольцу, который к моменту своей смерти к той войсковой части и той бригаде точно не имеет никакого отношения.

И напоминает все это гражданскую войну в Испании. Добровольцы из СССР ехали туда с «нансеновскими паспортами» или документами одной из европейских стран. Добираться было сложней, да и псевдонимы были совсем другие: будущий маршал СССР Родион Малиновский был не «Моторолой», а полковником - «колонель Малино».

Военный советник Ян Берзин мог погибнуть под именем генерала Доницетти, но в итоге был расстрелян в 1938 на полигоне «Коммунарка».

Илья Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» вспоминал: «В 1943 году на КП возле Гомеля я увидел командующего армией генерала Батова. Мы говорили о предстоящем наступлении. Вдруг кто-то крикнул: “Фриц!” - показались вражеские самолеты. А генерал и я смеялись: в Испании наши военные советники носили различные имена - Валуа, Лоти, Молино, Гришин, Григорович, Дуглас, Николас, Вольтер, Ксанти, Петрович. Павлу Ивановичу Батову почему-то досталась фамилия Фриц».

- Вас отправляли на учения в Ростовскую область или прямо сказали, что едем воевать на Украину?

- Сразу сказали. Сам видишь, что эти твари делают, все сюда просились. Я в армии служу не для того, чтобы учиться шить и копать.

- А «командировка» надолго или бессрочная, пока не отзовут?

- Пока сами не уедем. Я хочу либо до конца войны, либо до последнего вздоха воевать.

- А тебе самому это зачем? - спросил я одного из них.

- Нам объяснили, что мы поможем остановить тут войну, - был мне ответ.

Но, сидя на броне, войну остановить нельзя. Войну можно остановить, только если все слезут с брони и вернутся домой, хотя бы в свою страну из соседней.

P. S. Автору - специальному корреспонденту "Ъ" Илье Барабанову - известны полные имена и фамилии всех героев текста, но редакция не считает правильным их пока публиковать.

"Горловский Медиа Портал"